

Воскрешение мёртвенщины

В. П. Малахов

Мы суеверны. Мы пребудем туда. Мы
придумываем себе сны и живем
сными живем.

Человек на Дальнем Севере ищет
выхода своей чувствительности — не
разрушенной, не оправленной
десятилетиями жизни на Камыше.

Человек посылает авиалетом посылку.
не книги, не фотографии, не стихи, а
ветку мёртвенщины, мертвую ветку
живой природы.

Этот спальный подарок, искусственную,
продукцию ветрами самолётов, мягкую,
измазанную в постромках вагона,
светло-коричневую, жесткую,
космическую северную ветку северного
дерева ставит в воду.

Ставить в консервную банку, маленькую
здесь хлорированной обеззараженной
москвской водопроводной водой, водой,
которая сама, может, и рада засушить
все живое, — московская мертвая
водопроводная вода.

Листовенница серьезней цветов. В этой
каменате много цветов, ярких цветов.
Здесь ставят букеты черемухи, букеты
сирени в горячую воду, расщепляя
ветки и окуная их в кипяток.

Листовенница стоит в холодной воде,
чуть согретой. Листовенница жила
далеко к Черной реке, там все эти
цветы, все эти ветки — черемухи,
сирени.

Это понимает хозяйка. Понимает это
и листовенница.

Ловящаяся страстной человеческой воле,
ветка собирает все силы — физические
и духовные, ибо нельзя ветке
воскреснуть только от физических
сил: московского тепла, хлорированной
воды, равнодушной стеклянной банки. В
ветке раздужены: ильи, майиные силы.

Проходит при днѣ и при нося, и
хозяйка просыпается от спящего,
случного скипидарного запаха, слабого,
поющего, нового запаха. В жесткой
деревянной коже открылись и
выступили естественно на свет новые,
малодые, живые ярко-зеленые ильи
свежей хвои.

Мстивенница жива, мстивенница
бессмертна, это чудо воскрешения не
может не быть — ведь мстивенница
поставлена в банку с водой в

смерти на Кавыме мужа хозяйки,
поэта.

Даже эта память о мертвом может
участвовать в оживлении, в воскресении
естественным.

Этот нежный запах, эта
ослепительная зелень — важные
начала жизни. Слабые, но живущие,
воскресшие какой-то тайной
духовной силой, скрытые в естественном
и показавшиеся на свет.

Запах естественный был слабым, но
ясным, и никакая сила в мире не
заглушила бы этот запах, не
потушила этот зеленый свет и цвет.

Сколько лет — исковерканная
ветрами, морозами, вертящаяся вслед
за самцами, — естественна каждую

весну протягивала в небо молодую
зеленую хвою.

Сколько лет? Сто. Двести. Шестисот.
Зрелость даурской ели —
триста лет.

Триста лет! Ели, чья ветка,
веточка дымилась на московском столе,
— повесилась Наталья

Шереметевой-Далгоружковой и может
напомнить о ее горестной судьбе: о
превращениях жизни, о верности и
твердости, о душевной стойкости, о
муках физических, нравственных,
никогда не отменявшихся от мука
придвигать седьмого года, с бешеной
северной природой, ненавидящей
человека, смертельной опасностью
весеннего паловодья и зимних метелей,
с дождями, грубым произволом
натыльников, смертью,

четвертовали, колесовали мужа,
брата, сына, отца, доносили друг на
друга, предавали друг друга.

Чем не извечный русский сюжет?

После риторики морализма Гюлестого и
бешеной проповеди Достоевского были
войны, революции, Хиросима и
концентрация, доносы, расстрелы.

Мстительница сносит масштабы
времени, пристыдила человеческую
память, напомнила незабываемое.

Мстительница, которая видела смерть
Наташи Дагоруковой и видела
миллионы трупов — бессмертных в
вечной мерзлоте Камчатки, видевшая
смерть русского поэта, мстительница
живет где-то на Севере, чтобы видеть,
чтобы кричать, что нищего не

изменилось в России — ни судьбы, ни
человеческая злоба, ни равнодушие.

Наташа Шереметева все рассказывала,
все записала с грустной своей силой и
верой. Мстивенкина, ветка которой
оживла на московской земле, уже жила,
когда Шереметева ехала в свои скорбный
путь в Березов, такой похожий на
путь в Магадан, за Охотское море.

Мстивенкина истомалась, именно
истомалась запах, как сок. Запах
переходил в цвет, и не было между
ними границы.

Мстивенкина в московской квартире
думала, чтобы напоминать людям их
человеческий долг, чтобы люди не
забыли миллионы трутов — людей,
погибших на Кавказе.

Слабый настойчивый запах — это было

за все жертвых.

От имени этих жертвцов
мстительница и осуждалась, дала
говорить и жить.

Для воскресения нужна сила и вера.
Сунуть ветку в воду — это далеко не
все. Я тоже ставил ветку мстительницы
в банку с водой. Ветка засохла, стала
безжизненной, хрупкой и ломкой —
жизнь ушла из нее. Ветка ушла в
небытие, исчезла, не воскресла. Но
мстительница в квартире поэта оживала
в банке с водой.

Да, есть ветки сирени, черемухи, есть
лапавесы сердцевитательные,
мстительница — не предмет, не тема
для лапавесов.

Мстительница — дерево осень серьезное.

Это — дерево познания добра и зла, —
не яблоня, не березка! — дерево,
стоявшее в райском саду до изгнания
Адама и Евы из рая.

Лиственница — дерево Кальмы, дерево
коньезерей.

На Кальме не поют птицы. Цветы
Кальмы — яркие, морозные, грубые
— не имеют запаха. Короткое лето
— в холодной, безжизненной воздухе
— сухая жара и стужедейный холод
ночью.

На Кальме пахнет только горькой
шиповник — рубиновые цветы. Не
пахнет ни розовой, грубо
выцветшей лавандой, ни оградной, с
кулак, фиалки, ни худосочной
можжевельник, ни всемогущей
стефанки.

леса смутными своими скитидарными
запахами. Сначала кажется, что это
запах плесени, запах мертвецов. Но
приглядимся, вдохнем этот запах
поглубже и поймем, что это запах
жизни, запах сопротивления северу,
запах победы.

К маму же — мертвецы на Кальве не
пахнут — они слишком истончены,
обескровлены, да и хранятся в вечной
мерзлоте.

Нет, истонченна — дерево, непригодное
для рамасов, об этой ветке не стоим,
не сложим рамас. Здесь слово другой
глубины, иной пласти человеческих
чувств.

Человек посылает абилогской ветку
кальвскую: хотел напомнить не о
себе. Не память о нем, но память о

тех миллионов убитых, замученных,
которые сложены в братские могилы к
северу от Магадана.

Помощь другим запамятовать, снять со
своей души этот тяжелый груз, видеть
такое, найти мужество не рассказать,
но запамятовать. Человек и его жена
удержали девочку — заключенную
девочку умершей в былые матери —
хоть в своем, личном смысле взяли на
себя какую-то ответственность, выпалили
какой-то личный долг.

Помощь товарищам — тем, кто
остался в живых после концлагерей
дальнего Севера...

Послать эту жесткую, гниющую ветку в
Москву.

Посылая ветку, человек не посылал,

не знала, не думала, что ветку в
Москве оживят, что она, воскресшая,
запахнет Кавказом, зацветет на
московской земле, что мистическая
докажет свою силу, свое бессмертие;
шестисот лет жизни мистическая —
это практическое бессмертие человека;
что люди Москвы будут прогнать
руками эту шершавую, неприхотливую
жесткую ветку, будут глядеть на ее
ослепительно зеленую хвою, ее
возрождение, воскрешение, будут вдыхать
ее запах — не как память о
прошлом, но как живую жизнь.

1966